

Вековая летопись Эндено (I)

В Хайане зарядили дожди, и хотя мир снов долго сопротивлялся непогоде, ясные дни подошли к концу — небо затянули серые тучи. Когда Ши Цзю и Чэнь Ай спустились, солнце еще пыталось пробиться сквозь пелену, заставляя глянцевую плитку на площади сиять холодным блеском, но дождь обрушился на город внезапно, без малейшего предупреждения.

Ши Цзю тяжело вздохнул. Он невольно подумал о том, что в реальности, возможно, началась ночная гроза, и рокот грома вместе со стуком капель уже начали просачиваться в его подсознание.

Они замерли у самого выхода из лаборатории «Исток».

— Я вернусь за зонтом, — негромко произнес Чэнь Ай.

— Хорошо.

Ши Цзю проводил взглядом его удаляющуюся фигуру. Спина Чэнь Ая всегда оставалась прямой, а движения — выверенными и спокойными. Иногда этот человек казался юноше воплощением ледяного безразличия, но порой Ши Цзю начинал подозревать, что тот просто отсекает всё лишнее. Чэнь Ай всегда выглядел невозмутимым, но в редкие мгновения в его облике проскальзывало нечто... похожее на нежность? Ши Цзю не мог до конца разгадать натуру куратора, хотя порой ему казалось, что он стоит на пороге понимания.

Стоящие на посту охранники почтительно поклонились Ши Цзю. Когда Чэнь Ай вернулся, они склонились перед ним в еще более глубоком поклоне.

— Господин Чэнь.

— Ступайте.

Ши Цзю давно заметил: где бы они ни появлялись, люди всегда провожали куратора взглядами, полными глубокого почтения. На этот раз юноша присмотрелся внимательнее. Стоило Чэнь Аю выйти на улицу, как прохожие невольно замирали. Это не было просто уважение к высокопоставленному чиновнику — в их глазах читался суеверный трепет и благоговение. Чэнь Ай не был верховным правителем этого мира, так в чем же причина?

Заметив, что спутник слишком пристально оглядывается по сторонам, Чэнь Ай сухо спросил:

— Что ты высматриваешь?

— Кое-что странное, — отозвался Ши Цзю. — Почему люди так смотрят на тебя? Даже те, кто старается не подавать виду, не могут скрыть этого выражения... Словно они боятся и преклоняются одновременно. В чем секрет?

Услышав это, Чэнь Ай лишь коротко и невесело усмехнулся. Заметив, что плечо Ши Цзю начинает намочать, он незаметно сдвинул купол зонта в его сторону.

Этот жест удивил самого куратора. Он не просчитывал последствия — не думал о том, что юноша может простудиться или почувствовать дискомфорт. Обычно Чэнь Ай действовал иначе: он анализировал каждое свое слово, каждый жест и выражение лица, выстраивая в уме логическую цепочку реакций окружающих. Его поведение всегда было подчинено цели, обусловлено психологическим расчетом.

Но сейчас никакой цепочки не было. Он не размышлял о том, что будет, если он передвинет зонт, и что — если оставит всё как есть. Тело сделало выбор само, пока разум оставался чист. Внутри Чэнь Ая вдруг разлилось нечто непривычное — давно забытое чувство, не имеющее ничего общего с холодным разумом.

Ши Цзю повернул голову, ожидая ответа.

— Они уважают не меня лично, — медленно проговорил Чэнь Ай. — Это дань уважения моей семье.

Придорожные газоны под проливным дождем стали еще ярче, изумрудная зелень контрастировала со стерильной чистотой серых каменных стел. Дождь омывал их поверхность, заставляя высеченные слова сиять почти сверхъестественным светом. В воздухе разлился терпкий аромат мокрой земли и травы — запах, впитавший в себя дыхание природы за тысячи лет.

«Любовь — это ответ на всё».

Неподалеку от Центра цивилизации возвышалось несколько зданий, поражающих изысканностью архитектурного замысла. Они образовывали идеальный круг, в центре которого раскинулась обширная площадь. Там, в самом сердце ансамбля, замерла стройная часовая башня из серебристого стекла, чьи грани преломляли скудный свет, создавая причудливую игру теней и бликов.

— Как красиво... — пробормотал Ши Цзю, не в силах оторвать взгляда от панорамы. — И это... библиотека?

Чэнь Ай искоса взглянул на него, и увиденное заставило его замереть.

Ши Цзю смотрел на здания с закинутой головой, и свет в его глазах превратился в некое

восторженное сияние. В этот миг он напоминал истового паломника, узревшего лик своего божества. В его лице читалась жажда веры, стремление к чему-то высшему.

На мгновение Чэнь Ай вспомнил свой собственный сон — и того, тихого Ши Цзю, которого он там встретил.

— Тебе так нравится архитектура? — спросил Чэнь Ай. — В прошлый раз ты так же смотрел на платье той девушки.

Мало кто в этом мире обращал внимание на эстетическую ценность окружающих вещей, но Ши Цзю всегда безошибочно вычленил прекрасное из серой обыденности.

Ши Цзю с трудом справился с потрясением, но его взор всё еще был прикован к стеклянной башне.

— Очень, — выдохнул он.

Юноша указал на здание рядом с часами и добавил:

— Взгляни на ту постройку. Ты знаешь о Центре Гетти? Хотя откуда тебе... Они поразительно похожи. Это стиль, в основе которого лежит принцип гармонии с природой. Отказ от лишнего, поиск свободы... Сама суть естественной красоты.

Чэнь Ай проследил за его взглядом, глядя на белое здание, которое видел тысячи раз, и ему вдруг показалось, что он действительно чувствует ту самую свободу, о которой говорил Ши Цзю.

— Мне здесь нравится, — признался юноша.

— Вот и славно, — мягко отозвался Чэнь Ай.

***

Потолки библиотеки уходили вверх на добрых десять метров, напоминая залы магической крепости из старинных легенд. Темно-коричневые стены были до самого верха забиты книгами. Запах старой бумаги, смешанный с ароматом благородного дерева, создавал атмосферу смиренного благоговения перед знаниями.

Свод купола украшала огромная звездная карта глубокого синего цвета. На ней были нанесены созвездия и галактики с подробными пояснениями. Стоило поднять голову, как на тебя обрушивалось ощущение безбрежности космоса — человек в этом месте казался лишь крошечной песчинкой под взором Вселенной.

На краю этого величественного пространства располагался зал поменьше, хотя и он был огромен, напоминая выставочный павильон или лекторий. Одну стену полностью занимал панорамный вогнутый экран, а в центре ровными рядами стояли столы. Их форма напомнила Ши Цзю скамьи в соборах, где прихожане склоняются в молитве.

Зал был полон детей. Свободных мест почти не осталось. Малыши негромко переговаривались, но из-за чудовищной акустики помещения их голоса отражались от стен, превращаясь в призрачное, далекое эхо.

Спутники отыскивали места в последних рядах. Стоило им сесть, как у экрана появилась женщина.

— Дети, тише. Начинаем урок.

Мягкий женский голос, усиленный динамиками, мгновенно заполнил каждый уголок лектория. В зале воцарилась тишина.

Чэнь Ай наклонился к самому уху Ши Цзю и прошептал:

— Тебе повезло. Раз в месяц в этой библиотеке проводят сеансы исторической памяти. В них участвуют все граждане, а школьники посещают их в обязательном порядке.

Ши Цзю кивнул.

— О чем они будут рассказывать?

— Новейшая история Эндено. Обычно начинают с событий двухсот-трехсотлетней давности.

— Почему именно с этого периода?

— Потому что для Эндено это была точка невозврата, — тихо пояснил Чэнь Ай. — Сегодня граждане живут в довольстве и счастье, но этот мир был куплен ценой страданий их предков. Такое нельзя забывать, поэтому в школах историю Эндено изучают детально, а в библиотеке детям дают возможность буквально прочувствовать её.

Ши Цзю перевел взгляд на экран. По стеллажам и даже по полу поползли тени — юноша только сейчас осознал, что всё помещение представляет собой единую голографическую установку, погружающую зрителей в многомерный мир прошлого.

Дети смотрели на это, затаив дыхание.

Зал наполнила умиротворяющая музыка — протяжные, гармоничные аккорды, настраивающие на медитативный лад.

Повествование началось с модели Большого взрыва. Похоже, под влиянием снов и самого Ши Цзю, история возникновения Вселенной и планеты мало отличалась от того, что он знал на Земле. Перед глазами зрителей развернулась картина эволюции: зарождение жизни, развитие видов и, наконец, появление первых поселений, городов и государств. Цивилизация Эндено развивалась параллельно земной вплоть до событий двухвековой давности, когда пути миров окончательно разошлись.

В мелодию вплелись звуки барабанов, маракасов и треугольника — независимые ритмы сливались в идеальное полотно, льющееся из динамиков со всех сторон.

На экране возникли две группы людей, разделенные небольшим холмом. Ресурсов хватало на всех, но одна группа отчаянно пыталась перетащить всё добро на свою сторону. Другая же не осмелилась возразить. В итоге те, кто промолчал, превратились в рабов, выпрашивая крупницы того, что принадлежало им по праву, в обмен на непосильный труд.

Ши Цзю, как и дети впереди него, подпер подбородок руками и внимательно впитывал информацию.

Неравенство в Эндено родилось из чистейшего эгоизма. Люди стремились приватизировать всё вокруг, возводя границы и превращая общее достояние в личные островки безопасности. Это породило право частной собственности и соответствующие законы. Цивилизация напоминала прожорливого младенца, чей единственный лейтмотив: «Моё! Всё только моё!».

Несмотря на то, что это подстегнуло развитие социальных институтов и привело к материальному изобилию, люди стали заложниками своих страхов перед возможным дефицитом. Они начали накапливать излишки, а когда аппетиты достигли предела, наступил этап стагнации. Богатства стали тратить на праздную роскошь вместо инноваций.

Музыка вдруг взорвалась низкими частотами. Звуки синтезатора полосовали тишину, заставляя пол под ногами вибрировать. Дети в первых рядах испуганно закрывали глаза.

С этого момента начался упадок. Экономика рухнула, а люди, ослепленные жадной наживой, оторвали веру. Весь мир погрузился в мелочные расчеты. Мораль пала, чувства атрофировались, а единственной истиной стала фраза: «Нет вечных друзей, есть только вечные интересы».

В этой отравленной среде прогресс остановился. Искусство угасло. Людям стало претить духовное развитие, они предпочли ему суррогаты, дающие мгновенный выброс дофамина. Всё стало фастфудом: информация, чтение, сама жизнь. Чтобы угодить толпе, мир наполнился шаблонными, бессмысленными формулами.

Люди перестали думать. Выходная информация ограничивалась лишь тем, что человек видел под собственным носом. Начался процесс массового одичания. Изречение «Мир крутится вокруг выгоды» стало щитом, за которым прятались все пороки. Алчность связала мир в тугую сеть, из которой никто не мог выбраться.

Борьба за скудеющие ресурсы привела к тому, что сотни государств Эндено начали истреблять друг друга. Мир погрузился в хаос. За две сотни лет цивилизация распалась, целые расы исчезли с лица земли, экология была уничтожена, а население сократилось в десятки раз. Эту эпоху назвали Войной последней эпохи.

— Война последней эпохи? — удивленно шепнул Ши Цзю. К счастью, грохот музыки заглушил его голос. Придвинувшись к самому уху Чэнь Ая, он спросил: — В вашем мире тоже есть буддийские учения?

— Тоже есть? — переспросил Чэнь Ай и, словно что-то поняв, кивнул.

— А другие религии? Христианство? — не унимался Ши Цзю.

— Были когда-то, — ответил куратор. — Но сейчас большинство верит в Учение Даоци.

— И что это за учение?

Чэнь Ай на мгновение задумался.

— Это вера в закон причин и следствий, в волю Небесного пути. Она проповедует великую любовь и справедливость. В ней есть черты и буддизма, и христианства, но система гораздо сложнее. Если захочешь, на нижних этажах найдешь книги об этом.

— Хорошо.

Музыка стала невыносимо резкой, какофония диссонансов резала слух.

В те времена большинство людей сгнили изнутри. Они не верили в любовь, ими правили лишь тревога и одержимость. Лишь горстка смельчаков пыталась сохранить человеческое достоинство. Они призывали людей поднять взор от кормушки и заглянуть в будущее. Эти немногие встали в круг, спиной к спине, защищая свою веру и доверие друг к другу от всепожирающего водоворота истории.

На экране появились два портрета — мужчина и женщина с добрыми, одухотворенными лицами. Под ними горели имена:

Чэнь Чугуан и Цзи Юйсюэ.

У Ши Цзю перехватило дыхание. В голове вихрем пронеслись догадки, одна невероятнее другой. Он потрясенно взглянул на Чэнь Ая и увидел, как тот едва заметно кивнул.

Два великих рода — Чэнь и Цзи — в те смутные времена отдали все свои богатства, чтобы помочь тем, кто погряз в неведении и страдании. Они вытаскивали людей из материального и духовного ада.

Голодных — кормили, нагих — одевали. Тем, кто был на грани безумия, они несли свет Учения Даоци. Когда приходил враг — объединялись для защиты.

Посреди рушащегося мира возникло маленькое, здоровое общество. Именно тогда люди начали замечать у членов этих двух семей странные способности. Их стали называть земными воплощениями богов, пришедшими спасти паству из преисподней.

Но сами они запрещали обожествлять себя. Они не могли и не пытались спасти каждого.

Те столетия стали полем битвы между богами и демонами. Если в человеческой душе еще теплилась искра света, они помогали ей разгореться. Тех же, кто окончательно утонул в пороке и жажде крови, предоставляли собственной участи.

В зале гремели военные барабаны, заставляя сердца зрителей биться чаще. Кадры на экране сменялись с бешеной скоростью, отблески пожаров окрасили всё помещение в кроваво-красный цвет.

Победы и поражения стали рутинной. Но люди того времени были одержимы пиршествами: любой исход битвы сопровождался роскошными банкетами. На фронтах впустую тратили тонны продовольствия, пока мирные жители умирали от голода.

В конце концов, Небеса ниспослали кару. Глобальная эпидемия положила конец безумию, оставив в живых меньше десятой части населения. И это было высшим милосердием.

На экране вспыхнули два огромных слова:

БОЛЕЗНЬ МНИМОЙ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ.

<http://bllate.org/book/16109/1584617>